

Научная статья

УДК: 343.147.3

DOI: 10.55001/2587-9820.2024.61.48.018

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАНИЯ

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва,
Российская Федерация, s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются нормативно-правовые подходы к регламентации судебного эксперимента как одного из предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством познавательных и удостоверительных приемов, направленных на установление имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обуславливающего формирование соответствующих доказательств. Анализируются доктринальные позиции, предположительно предопределившие возникновение таких подходов.

Одновременно выявляются изъяны и шероховатости, присущие современной уголовно-процессуальной регламентации судебного экспериментирования; высказываются предположения о причинах их возникновения и оценивается их влияние на правоприменительную практику. В завершении высказываются рекомендации о необходимости освещения рассмотренных в статье вопросов в учебно-методической литературе, в комментариях к УПК РФ, а также рамках реализации программ высшего и дополнительного образования.

Ключевые слова: проверка доказательств; следственные действия; следственный эксперимент; собрание доказательств; судебное следствие; судебные действия; судебный эксперимент

Для цитирования: Россинский, С.Б. Правовые основы судебного экспериментирования // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. Т. 31. № 3. С. 179–189. DOI: 10.55001/2587-9820.2024.61.48.018

LEGAL BASIS EXPERIMENTATIONS IN COURT PROCEEDINGS

Sergey B. Rossinskiy

Institute of state and law of the Russian academy of sciences, Moscow,
Russian Federation, s.rossinskiy@gmail.com

Abstract. The article discusses normative and legal approaches to the regulation of a judicial experiment, which is one of the cognitive and identification techniques provided for by the criminal procedural law, which are aimed at establishing circumstances that are significant for a criminal case and determine the formation of relevant evidence. The doctrinal positions that presumably predetermined the emergence of such approaches are analyzed.

At the same time, flaws and irregularities are revealed that are inherent in the modern criminal procedural regulation of the judicial experiment; assumptions are made about the reasons for their occurrence and their impact on law enforcement

practice is assessed. In conclusion, recommendations are made on the need to cover the issues discussed in the article in the educational and methodological literature, in the comments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as within the framework of the implementation of higher and further education programs.

Keywords: verification of evidence; investigative actions; investigative experiment; collecting evidence; judicial investigation; legal actions; experiment in court

For citation: Rossinskiy, S. B. Pravovye osnovy sudebnogo eksperimentirovaniya [Legal basis experimentations in court proceedings] // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2024, vol. 31 no. 3, pp. 179–189 (in Russ.). DOI: 10.55001/2587-9820.2024.61.48.018

Введение

Для надлежащего решения стоящих перед судебным разбирательством уголовного дела в первой или апелляционной инстанции задач законом предусматривается целый набор когнитивно-удостоверительных приемов – так называемых судебных (судебно-следственных) действий, позволяющих суду и сторонам накапливать, исследовать, должным образом фиксировать, а затем и проверять «полезные» информационные активы, подлежащие использованию для обоснования (оказания посильного влияния на обоснование) соответствующих приговоров либо иных свойственных данным стадиям уголовного судопроизводства правоприменительных актов. Один из них, состоящий в судебном экспериментировании, то есть связанный с применением экспериментального метода установления имеющих значение для уголовного дела фактических данных, принято называть судебным экспериментом.

Как известно, судебный эксперимент – это осуществляемый судом совместно со сторонами в присутствии прочих участников судебного заседания и судебной «публики» процессуально-познавательный прием, предполагающий совокупность подлежащих непосредственному восприятию физических, технических или прочих опытов и испытаний, не требующих экспертного исследова-

ния и сводящихся к реконструкции события преступления, поведения отдельных лиц, иных фрагментов объективной реальности в целях проверки имеющихся в распоряжении суда сведений и выдвинутых версий, а также получения новых сведений о возможности (невозможности) существования каких-либо значимых для надлежащего разрешения уголовного дела фактов. Правовым основам его производства и посвящена настоящая статья.

Основная часть

Вообще формальная возможность судебного экспериментирования появилась сравнительно недавно – впервые она получила легальное воплощение лишь в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ). Тогда как действовавший ранее Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР) позволял прибегать к подобным механизмам лишь органам дознания и следователям и лишь в рамках предварительного расследования: посредством производства соответствующего следственного действия – следственного эксперимента. Правда, данный про-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 02.05.2024).

бел вовсе не вынуждал судей полностью отказываться от применения экспериментального метода познания. Ведь идеи о судебном экспериментировании высказывались учеными-криминалистами еще в преддверии известной реформы советского процессуального законодательства, проведенной на рубеже 1950-х–1960-х гг. [1, с. 95–98; 2, с. 35–37; 3, с. 22 и др.], а сами суды неоднократно прибегали к помощи различных опытов и испытаний [4, с. 7–10; 5, с. 140]. Поэтому разработчики принятых в ходе реформы уголовно-процессуальных кодексов некоторых союзных республик, по всей вероятности, хорошо усвоив указанные научные позиции и осознав насущные потребности правоприменительной практики, посчитали разумным предусмотреть возможности проведения экспериментов в судебных заседаниях. Например, в ст. 298 УПК Туркменской ССР прямо говорилось о производстве судебного эксперимента, в ст. 254 УПК Эстонской ССР и ст. 292 УПК Латвийской ССР – о проведении следственного эксперимента в судебном заседании, тогда как в ст. 296 УПК Грузинской ССР, ст. 284 УПК Армянской ССР, ст. 274 УПК Узбекской ССР, ст. 293 УПК Киргизской ССР и ст. 261 УПК Молдавской ССР – о воспроизведении судом обстановки произошедшего. Определенные, хотя гораздо более осторожные шаги в данном направлении предпринял и российский законодатель – в силу ч. 1 ст. 70 УПК РСФСР судам наряду с органами предварительного расследования и прокуратуры было дозволено использовать любые (!) предусмотренные Кодексом способы собирания доказательств, стало быть, и проводить следственные эксперименты.

Однако сложности в этом сегменте судебной практики все же наблюдались – ввиду гипотетической не-

пригодности для судебного заседания ряда изначально рассчитанных на досудебное производство условий следственного эксперимента подобные действия иногда проводились и оформлялись под видом иных познавательно-удостоверительных приемов, преимущественно под видом установленного ст. 293 УПК РСФСР судебного осмотра местности и помещения. А в других случаях уголовные дела вообще возвращались для дополнительного расследования с прямым указанием прокурору о необходимости производства следственного эксперимента.

На достаточно серьезные различия следственного и судебного экспериментов обращали внимание многие специалисты. В частности, наиболее известный советский представитель судебной криминалистики – Л. Е. Ароцкер – еще в 1964 г. писал о своеобразии судебного экспериментирования, детерминированном особыми, отличными от предварительного расследования правилами процессуальной деятельности суда. Он справедливо указывал на необходимость обеспечения присутствия при проведении эксперимента всех участников судебного заседания, включая полный состав суда и подсудимого, говорил о возможности его производства лишь в условиях открытости (гласности) процесса и т. д. [5, с. 139]. Схожие позиции высказывались в публикациях Р. С. Белкина, Г. А. Воробьева и ряда других авторов [6, с. 122; 7, с. 52 и др.].

И в этой связи ученые на протяжении почти сорока лет настаивали на необходимости введения в предмет уголовно-процессуального регулирования обособленной, отвечающей условиям реализации судебной власти формы проведения эксперимента в судебном заседании и заявляли об объективной потребности в ее автономной правовой регламента-

ции [6, с. 110–122; 8, с. 74; 9, с. 186 и др.]. В конце концов эти призывы были услышаны – авторы действующего уголовно-процессуального закона предусмотрели автономную форму судебного экспериментирования, с одной стороны, предполагающую разумную преемственность по отношению к порядку производства эксперимента в ходе предварительного расследования, а с другой – отвечающую общим условиям судебного разбирательства в целом и правилам проведения судебного следствия в частности (ст. 288 УПК РФ).

Судебные эксперименты предпринимается осуществлять с участием сторон, а в случае необходимости – и иных требуемых для проведения опытов и испытаний лиц: свидетелей, экспертов, специалистов и так называемых «соглашенцев», то есть лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, в связи с чем подвергаемых уголовному преследованию по выделенному в отдельное производство уголовному делу. Такие требования способствуют реализации условий состязательности судебного заседания, обязательности участия государственного (частного) обвинителя, подсудимого и обеспечению права на защиту. Кроме того, судебные эксперименты надлежит проводить на основании постановлений (определений) суда, которые, по смыслу закона, преимущественно должны выноситься в гласном порядке (без удаления судьи либо судей в совещательную комнату) с последующим отражением в протоколе судебного заседания. И наконец, в ч. 2 ст. 288 УПК РФ содержится предписание, обязывающее осуществлять судебные эксперименты в соответствии с требованиями, установленными ст. 181 УПК РФ, чем обеспечивается преемственность порядка их производства по отношению к порядку производства эксперимен-

тов органами дознания и предварительного следствия, в том числе подчеркивается общность, по крайней мере схожесть, сущности, задач и оснований для проведения обоих познавательно-удостоверительных приемов, а также выражается позиция о недопустимости создания опасности для здоровья участвующих лиц.

В этой связи следует констатировать общую разумность юридико-технической конструкции статьи 288 УПК РФ. По крайней мере, в ней не отразились присущие российской правотворческой политике негативные тенденции, предполагающие инкрементальное усиление формализации различных юридических процедур, в том числе условий и порядка работы органов предварительного расследования, прокуратуры, суда, пронизанные стремлением к «узакониванию» (в узком смысле), то есть к урегулированию посредством федерального закона все большего и большего количества возникающих вопросов. В публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно обращалось внимание на постепенное наполнение уголовно-процессуального законодательства положениями, не имеющими подлинно правовой ценности и «высокого» предназначения. Одновременно говорилось об их ярко выраженном техническом или технологическом характере, о сведении многих из них к правилам уголовно-процессуального делопроизводства [10, с. 121–124], о постепенном превращении УПК РФ в своеобразную «поваренную книгу», в пошаговую инструкцию, в некую «памятку для безграмотных правоприменителей» [11, с. 42]. Тогда как ст. 288 УПК РФ, не будучи подверженной указанным тенденциям, остается одним из приятных исключений: в целом содержит практически столько норматив-

ного контента, сколько требуется профессиональным, понимающим смысл закона и ответственным судьям для должного выполнения своих обязанностей, соблюдения режима судебного заседания и надлежащего решения стоящих перед судебным экспериментированием задач.

Вместе с тем положения статьи 288 УПК РФ все-таки вряд ли можно признать абсолютно совершенными, не предрасположенными ни к каким критическим замечаниям. Вполне очевидно, что ей тоже присущи некоторые шероховатости, осложняющие надлежащее понимание заложенного в нее правового смысла.

Так, несколько неразумным видится само название данного процессуального действия – не «судебный», а именно «следственный эксперимент». Подобное название представляется несколько некорректным и побуждающим к определенной дискуссии.

Хотя причины его появления вполне понятны – связаны в возникшей несколько десятков лет назад терминологической путаницей, обусловленной доктринальной непроработанностью на тот момент целого ряда уголовно-процессуальных понятий и категорий. Ведь многие из, казалось бы, всем известных, неоднократно упоминаемых в УПК РФ, используемых в правоприменительной практике терминов и соответствующих им объектов и процедур подверглись должному научному осмыслению значительно позже своего включения в сферу уголовно-процессуального регулирования. В частности, именно таковыми оказались следственные и судебные действия как познавательно-удостоверительные приемы, направленные на установление имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обуславливающие получение новых либо проверку имею-

щихся доказательств. Данные термины использовались в доктрине и правоприменительной практике на протяжении многих лет, однако стали вызывать подлинный научный интерес и попали в предмет изысканий ученых-процессуалистов, в первую очередь С. А. Шейфера, лишь в 1970-е гг. – благодаря развитию информационной (кибернетической) теории доказательств [12, с. 196]. В этой связи нет ничего удивительного, что пятнадцатью и более годами ранее, во время зарождения научных основ следственного и судебного экспериментирования, различиям между этими терминами просто не придавалось особого значения: С. А. Голунский, особо не задумываясь, называл оба эксперимента судебными [13, с. 14–15], Н. И. Гуковская – следственными [2, с. 35–36] и т. д. Нет ничего удивительного и в разных наименованиях подобных приемов работы суда в уголовно-процессуальных кодексах ряда союзных республик, о чем уже говорилось выше.

Хотя отдельные авторы все же предпринимали попытки внесения некоторой ясности в данные вопросы, в том числе пытались обосновать потребность разграничения следственного и судебного экспериментирования. Например, Р. С. Белкин, исходя из дифференциации правовых режимов предварительного расследования и судебного разбирательства со свойственной им разницей в процессуальном положении ответственных за собирание и проверку доказательств участников уголовного судопроизводства, то есть, по сути, солидаризируясь с вышеуказанным мнением Л. Е. Ароцкера, полагал, что проводимый следователем эксперимент надлежит именовать следственным, а проводимый судом – судебным. Именно в этом он и усматривал главное отличие одной формы экспериментирования от другой [3, с.

22], хотя в части терминологии сам Л. Е. Ароцкер занимал несколько иную позицию – скорее, схожую с точкой зрения Н. И. Гуковской. Он считал, что оба эксперимента могут проводиться лишь в ходе следствия: один – в ходе предварительного, а другой – в ходе судебного, в связи чем должны называться именно следственными [1, с. 18].

В настоящее время ввиду надлежащей доктринальной проработанности вопросов, связанных с собиранием доказательств в целом и сущностью соответствующих познавательно-установительных приемов в частности, следовало бы ожидать устранения существовавшей ранее терминологической путаницы. Вместе с тем она лишь усилилась – для обозначения подобных приемов в оборот уголовно-процессуальной доктрины постепенно вводятся все новые и новые термины: «следственные действия в судебном разбирательстве», «следственные действия, производимые судом на стадии судебного следствия», «судебные действия следственного характера», «судебно-следственные» или, наоборот, «следственно-судебные действия» и т. д. [14, с. 28–29]. Причем многие авторы даже не утруждают себя подробным объяснением разумности предлагаемых терминов и необходимости их введения в оборот уголовно-процессуальной доктрины.

Исходя из идентичности наименований процессуальных действий, предусмотренных статьями 181 и 288 УПК РФ, можно смело судить о соответствующих «вкусах» разработчиков Кодекса. По всей вероятности, наиболее предпочтительным для них оказался доктринальный подход, выраженный в «универсальном» понимании следственных действий в целом и следственных экспериментов в частности – как познавательно-установительных приемов, свой-

ственных и предварительному расследованию, и судебному разбирательству. Однако, чем именно был обусловлен такой выбор, сказать достаточно сложно. По крайней мере, каких-либо доктринальных обоснований легализации этого подхода в УПК РФ обнаружить так и не удалось.

В этой связи остается ограничиться лишь выдвижением ряда более или менее приемлемых гипотез. Например, можно предположить, что решающую роль в этом вопросе сыграли некие, с позволения сказать, традиции, выраженные в наименовании судебных экспериментов следственными. Как говорилось ранее, такой нейминговый подход получил достаточно широкое распространение в научных публикациях и нормативных правовых актах. Именно его придерживались многие советские авторы; он же находил отражение в ряде уголовно-процессуальных кодексов союзных республик. К слову, позднее этот же подход был использован в принятом в 1996 г. Модельном уголовно-процессуальном кодексе для государств – участников СНГ, тогда как сами члены содружества в своей массе, напротив, стали придерживаться иных позиций: либо отказались от советской терминологии и начали называть данное судебное действие просто экспериментом, либо вообще наряду с прочими приемами наглядно-образного восприятия судом обстоятельств объективной реальности исключили его из системы своего уголовно-процессуального регулирования, ограничившись лишь допросами и оглашениями документов.

Возможна и другая гипотеза. Разработчики проекта УПК РФ вполне могли воспользоваться «универсальным» подходом к пониманию следственных действий в целом и следственного эксперимента в частности, неверно истолковав доктринальные

суждения, высказанные в публикациях целого ряда ученых-процессуалистов, в первую очередь С. А. Шейфера и его единомышленников. Многие авторы, действительно, никогда не скрывали своего стремления к широкой сфере применения теории следственных действий, к использованию ее постулатов как в следственной (дознательской), так и в судебной практике [15, с. 111–112; 16, с. 3; 17, с. 38]. Другими словами, они фактически соглашались с рассмотренными выше нейминговыми доводами Л. Е. Ароцкера: прилагательное «следственные» в очередной раз предлагалось увязывать не столько с условиями и режимом работы следователя, сколько с названием соответствующих этапов досудебного или судебного производства: с предварительным или судебным следствием. Однако при этом ни С. А. Шейфер, ни другие ученые, настаивая на единстве теоретических подходов к сущности и способам собирания доказательств в уголовном судопроизводстве, вовсе не стремились к узакониванию существующей терминологической путаницы – никогда не писали о потребности в официальной легализации подобного нейминга, никогда не предлагали законодателю называть проводимые судом познавательно-удостоверительные приемы, в том числе эксперименты, следственными действиями.

И наконец, вполне реальной видится еще одна гипотеза. Возможно, что при подготовке проекта УПК РФ этим вопросам вообще не придавалось особого значения. Не исключено, что авторы проекта Кодекса, сосредоточившись на более «важных» проблемах уголовной юстиции, отнеслись к нормативной регламентации судебного экспериментирования без интереса и с изрядной долей легкомыслия. Кстати, «следы» подобного невнимательного отношения к ре-

гламентации целого ряда процессуальных действий и решений можно обнаружить и в других положениях уголовно-процессуального закона, в том числе устанавливающих «порядок» производства прочих судебных действий, например предъявления для опознания (ст. 289 УПК РФ) и освидетельствования (ст. 290 УПК РФ).

Во всяком случае, независимо от причин, предопределивших наименование предусмотренного ст. 288 УПК РФ процессуального действия не судебным, а именно следственным экспериментом, такое правотворческое решение представляется совершенно неприемлемым. Более того, ошибочными видятся любые позиции, предполагающие «универсальное» понимание следственных действий, в частности отнесение к ним судебных действий как познавательно-удостоверительных приемов, свойственных судебному разбирательству по уголовному делу. Ведь несмотря на сущностное сходство следственных и судебных действий, требования к их производству должны предопределяться совершенно разными условиями следственной (дознательской) и судебной деятельности. Никакого единства следственных и судебных средств установления истины, как справедливо писала по этому поводу П. С. Элькинд, не предусматривается и предусматриваться не может [18, с. 84]. Судебное экспериментирование, в отличие от следственного, осуществляется в совершенно ином режиме, обусловленном гласностью и состязательностью судебного заседания, правом на доступ к правосудию и другими важнейшими канонами реализации судебной власти, что просто не может не отражаться (и отражается!) в его процедурных особенностях.

Таким образом, разумным представляется называть проводимые су-

дом в порядке ст. 288 УПК РФ эксперименты не следственными, а именно судебными, что способствует правильному пониманию их смысла и значения в общей системе способов собирания доказательств по уголовным делам. Тем более, что наряду с автором настоящей статьи этот термин приветствуется рядом других ученых, посвятивших свои публикации указанной проблематике [19, с. 113; 20, с. 207–209 и др.].

Существует и еще одна шероховатость процессуальной регламентации судебного эксперимента, выраженная в отсутствии разумной преемственности по отношению к предусмотренному ст. 287 УПК РФ судебному осмотру местности и помещения. Ведь осмотр и эксперимент – это достаточно близкие способы невербального познания, основанные на единых закономерностях наглядно-образной перцепции судом обстоятельств объективной реальности и способствующие формированию одной и той же разновидности доказательств – результатов (протоколов) невербальных следственных и судебных действий [21, с. 91]. Более того, судебные, равно как и следственные, эксперименты со всей уверенностью вообще можно признать некими «дочерними» действиями по отношению к соответствующим осмотрам. Ведь существующие в настоящее время механизмы экспериментирования изначально сформировались именно как особые формы осмотра и лишь затем были признаны самостоятельными способами собирания доказательств (следует напомнить, что ранее судебные осмотры вообще часто проводились под видом осмотров местности или помещения).

В этой связи представляется достаточно странным, что, конструируя положения статьи 288 УПК РФ, законодатель почему-то не стал включать в ее содержание бланкетную форму-

лировку, предписывающую суду выполнение тех же организационно-обеспечительных действий, которые предусмотрены для проведения осмотра местности и помещения. В итоге, исходя из буквального смысла закона, председательствующие вроде бы как не обязаны по прибытии на место проведения эксперимента объявлять о продолжении судебного заседания и принимать иные меры, способствующие обеспечению надлежащих условий реализации судебной власти. И указанные обстоятельства в очередной раз заставляют задуматься о качестве российского уголовно-процессуального закона в целом и непроработанности множества деталей и нюансов уголовно-процессуального регулирования в частности.

Выводы и заключение

Можно ли оценивать все вышесказанное как некий призыв к выдвижению незамедлительных правотворческих инициатив, направленных на скорейшее устранение данных недостатков правового регулирования судебных экспериментирований? Нет, нельзя!

Автор настоящей статьи вообще достаточно настороженно относится к подобным (зачастую таким же непроработанным и скоропалительным) предложениям, к слову, звучащим чуть ли «не из «каждого утюга», высказываемым в чуть ли не половине современных научных публикаций уголовно-процессуальной направленности. К тому же правоприменительная практика судебных экспериментирований в общем и целом развивается в достаточно правильном, не вызывающем существенных нареканий направлении – давно сформированные и хорошо апробированные практически рекомендованные ст. 288 УПК РФ в системном единстве со ст. 181 УПК РФ

предписания в соответствии с заложенным в них правовым смыслом, то есть успешно решать стоящие перед судебными экспериментами задачи, не выходя за рамки общих принципов уголовного судопроизводства и общих условий судебного разбирательства. Да и вообще, количество проводимых судами экспериментов в настоящее время не так уж и велико!

Поэтому рассмотренные в настоящей статье нюансы должны найти отражение не столько в законе, сколько в учебно-методической литературе, доктринальных коммента-

риях к УПК РФ, других подобных источниках, а также использоваться в ходе реализации программ высшего образования и повышения квалификации практических работников. Кроме того, некоторые из них могут быть учтены Пленумом Верховного Суда Российской Федерации и попасть в содержание формулируемых им разъяснений, направленных на дальнейшую оптимизацию правоприменительной практики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ароцкер, Л. Е. Следственный эксперимент в советской криминалистике: дис. ... канд. юрид. наук. Харьков: Харьковский научно-исследовательский институт судебных экспертиз им. Н. С. Бокариуса, 1951. 311 с.
2. Гуковская, Н. И. Право суда на производство следственного эксперимента // Советская юстиция. 1958. № 4. С. 35–38.
3. Белкин, Р. С. Теория и практика следственного эксперимента. М.: Высшая школа МВД СССР, 1959. 171 с.
4. Диденко, Ф. К. Следственный эксперимент в практике органов военной юстиции. М.: Военно-политическая краснознаменная академия им. В. И. Ленина, 1957. 32 с.
5. Ароцкер, Л. Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве. М.: Юридическая литература, 1964. 223 с.
6. Белкин, Р. С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М.: Юридическая литература, 1964. 223 с.
7. Воробьев, Г. А. Тактика и психологические особенности судебных действий. Краснодар: Изд-во Кубанского университета, 1986. 87 с.
8. Чеджемов, Т. Б. Судебное следствие. М.: Юрид. литература, 1979. 92 с.
9. Корневский, Ю. В. Криминалистика для судебного следствия. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. 198 с.
10. Россинский, С. Б. Уголовно-процессуальная форма VS правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 1. С. 116–135.
11. Россинский, С. Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42–47.
12. Россинский, С. Б. Доказательства в уголовном процессе: взгляд ученого 10 лет спустя... // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 3. С. 184–207.
13. Техника и методика расследования преступлений / С. А. Голунский, Г. К. Рогинский; под ред. М. С. Строговича. Вып. 5. М.: Советское законодательство, 1934. 188 с.

14. *Россинский, С. Б.* Судебные действия как средства познания обстоятельств уголовного дела // Российский судья. 2014. № 12. С. 28–32.
15. *Абдумаджидов, Г. А.* Расследование преступлений (процессуально-правовое исследование). Ташкент : Узбекистан, 1986. 191 с.
16. *Белозеров, Ю. Н., Рябоконт, В. В.* Производство следственных действий : учеб. пособие. М. : Московская средняя специальная школа милиции МВД СССР, 1990. 66 с.
17. *Шейфер, С. А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма. М. : Юрлитинформ, 2001. 206 с.
18. *Элькинд, П. С.* Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М. : Юридическая литература, 1967. 192 с.
19. *Корчагин, А. Ю.* Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика. М. : Юридический мир, 2006. 141 с.
20. *Сысков, В. Л.* Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск : Южно-Уральский гос. ун-т, 2006. 279 с.
21. *Россинский, С. Б.* Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9. С 85–91.

REFERENCES

1. *Aroczer L.E.* Sledstvenny`j e`ksperiment v sovetskoj kriminali-stike: dis. ... kand. jurid. nauk. [Investigative experiment in Soviet forensic science: diss. ... candidate of legal sciences]. Kharkov, 1951, 311 p.
2. *Gukovskaya N.I.* Pravo suda na proizvodstvo sledstvennogo e`ksperimenta [The right of the court to conduct an investigative experiment]. Soviet Justice - Sovetskaya yusticiya. 1958, no. 4, pp. 35–38.
3. *Belkin R.S.* Teoriya i praktika sledstvennogo e`ksperimenta. [Theory and practice of investigative experiment]. Moscow, 1959, 171 p.
4. *Didenko F.K.* Sledstvenny`j e`ksperiment v praktike organov voennoj yusticii [Investigative experiment in the practice of military justice bodies]. Moscow, 1957, 32 p. (in russ.).
5. *Aroczer L.E.* Ispol`zovanie danny`x kriminalistiki v sudebnom razbiratel`stve [Use of forensic data in legal proceedings]. Moscow, 1964, 223 p. (in russ.).
6. *Belkin R.S.* E`ksperiment v sledstvennoj, sudebnoj i e`kspertnoj praktike [Experiment in investigative, judicial and expert practice]. Moscow, 1964, 223 p.
7. *Vorob`ev G.A.* Taktika i psixologicheskie osobennosti sudebny`x dejstvij [Tactics and psychological features of judicial actions]. Krasnodar, 1986. 87 p.
8. *Chedzhemov T.B.* Sudebnoe sledstvie [Judicial investigation]. Krasnodar, 1979. 92 p.
9. *Korenevskij Yu.V.* Kriminalistika dlya sudebnogo sledstviya [Forensic Science for Forensic Investigation]. Moscow, 2001, 198 p.
10. *Rossinskij S.B.* Ugolovno-processual`naya forma VS pravila ugolovno-processual`nogo deloproizvodstva [Criminal procedural form VS rules of criminal procedural proceedings]. Trudy` Instituta gosudarstva i prava RAN - Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2023, vol. 18, no. 1, pp. 116–135.
11. *Rossinskij S.B.* UPK Rossijskoj Federacii: voploshhenie «vy`so-kogo» prednaznacheniya ugolovno-processual`noj formy` ili «pamyatka» dlya bezgramotny`x

pravoprимenitelej? [The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the embodiment of the “high” purpose of the criminal procedural form or a “memo” for illiterate law enforcement officers?]. *Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika - Laws of Russia: experience, analysis, practice.* 2021, no. 6, pp. 42–47.

12. *Rossinskij S.B. Dokazatel`stva v ugovnom processe: vzglyad uche-nogo 10 let spustya...* [Evidence in criminal proceedings: a scientist’s view 10 years later]. *Trudy` Instituta gosudarstva i prava RAN - Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.* 2023, vol. 18, no. 3, pp. 184–207.

13. *Strogovicha M.S. (by ed.) Teknika i metodika rassledovaniya prestuplenij* [Techniques and methods of investigating crimes]. Moscow, 1934. 188 p.

14. *Rossinskij S.B. Sudebny`e dejstviya kak sredstva pozna-niya obstoyatel`stv ugovnogo dela* [Judicial actions as a means of understanding the circumstances of a criminal case]. *Rossiiskij sud`ya - Russian judge.* 2014, no. 12, pp. 28–32.

15. *Abdumadzhidov G.A. Rassledovanie prestuplenij (processual`no-pravovoe issledovanie)* [Investigation of crimes (procedural and legal research)]. Tashkent: Uzbekistan, 1986, 191 p.

16. *Belozеров Yu.N., Ryabokon` V.V. Proizvodstvo sledstvenny`x dej-stvij* [Production of investigative actions]. Moscow, 1990, 66 p.

17. *Shejfer S.A. Sledstvenny`e dejstviya. Sistema i processual`naya forma* [Investigative actions. System and procedural form]. Moscow, 2001, 206 p. (in russ.).

18. *EY`kind P.S. Tolkovanie i primenenie norm ugovno-processual`nogo prava* [Interpretation and application of the rules of criminal procedural law]. Moscow, 1967, 192 p.

19. *Korchagin A.Yu. Sudebnoe razbiratel`stvo ugovny`x del: ponyatie, organizaciya, taktika* [Criminal trial: concept, organization, tactics.]. 2006. 141 p.

20. *Sy`skov V.L. Dokazatel`stvennaya deyatel`nost` suda pervoj instan-cii po ugovny`m delam: dis. ... kand. jurid. nauk.* [Evidentiary activity of the court of first instance in criminal cases: dis. ... candidate of legal sciences.]. Chelyabinsk, 2006, pp. 279.

21. *Rossinskij S.B. Sushhnost` rezul`tatov neverbal`ny`x sledstvenny`x i sudebny`x dejstvij kak dokazatel`stv po ugovnomu delu* [The essence of the results of non-verbal investigative and judicial actions as evidence in a criminal case]. *Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika - Laws of Russia: experience, analysis, practice.* 2013, no. 9, pp. 85–91.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Институт государства и права Российской академии наук. 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey B. Rossinskiy, Dr.Sci. (Law), professor, chief researcher of the sector of criminal law, criminal procedure and criminology at Institute of state and law of the Russian academy of sciences